

Предисловие

ОН ПРИЛЬНУЛ ГУБАМИ к моему уху, и от его слов по моему телу промчалась новая волна ужаса.

— Я собираюсь смаковать тебя, малышка Сара. Я планировал овладеть тобой сейчас, но к чему торопиться, когда у нас впереди столько времени, сколько захотим.

— Нет...

— Но сперва, я думаю, нужно снять пробу, чтобы разжечь аппетит.

Он резко дернул мою голову набок, обнажая горло, и склонил ко мне лицо. Губы коснулись моей кожи, а кончик языка очертил оголенный участок, где бился пульс. Глаза заволокла темная пелена.

— Что это? — пробормотал он и принялся, словно дегустируя новое вино. Его язык снова скользнул по моей коже. — Ты на вкус как... — Его голова взметнулась вверх, а глаза заблестели, как будто ему только что подали любимый десерт. — Как...

Глава 1

— ТЫ ОПОЗДАЛ.

Мэллой фыркнул и уселся за столик напротив меня.

— Расслабься. У меня и другие дела есть, кроме твоих, знаешь ли.

Я, нахмурившись, постучала пальцем по часам, и он вскинул вверх руки.

— Прости, ладно? Господи, а ты нетерпелива.

— Ты не единственный, кого где-то ждут.

Он хмыкнул, как будто и представить себе не мог, что у человека моего возраста могут иметься важные дела — если бы он только знал. Я постаралась стереть с лица беспокойство, грызущее меня изнутри.

— Ну ладно. Где оно? — поинтересовался он.

Я похлопала себя по груди, где в пальто лежал небольшой сверток, и понизила голос, чтобы никто за пределами нашей кабинки не услышал разговор на фоне ревушей из музыкального автомата Lунурд Skynурд.

— Пол-унции, как и обещала.

Карие глаза Мэллой распахнулись, и он наклонился вперед, опираясь предплечьями на стол. Ростом

ниже меня на пару дюймов, с узким осунувшимся лицом и тусклыми каштановыми волосами, он напоминал крошечную коричневую полевую мышь. Нет, я была не настолько глупа, чтобы повестись на его безобидный внешний вид. В нашем деле, будучи добрым и милым, не выжить.

— Ну что ж, тогда давай.

Его глаза пробежались по тускло освещенному бару, а затем снова остановились на мне. Я могла бы уверить его, что нет никаких причин для беспокойства, — завсегдатаям «У Джеда» не пристало лезть в чужие дела, поэтому и предложила байкерский бар в первую очередь. Это, а еще тот факт, что на случай потасовок Джек держал за барной стойкой деревянную битку и револьвер сорок четвертого калибра. Но у людей хватало ума ничего не затевать в баре.

Я полезла в пальто и вытащила свернутый бумажный пакет. Мэллой попытался выхватить сверток, но я отдернула руку в сторону и напустила на себя деловой вид.

— Деньги вперед.

— Ах да. — Состроив кислую гримасу, он засунул ладонь под куртку. Внезапно его рука замерла. — Знаешь, это было не так-то просто получить. Может быть...

— Мы заключили сделку, Мэллой.

Черт возьми, стоило догадаться, что он снова попытается это повернуть, и именно в тот самый день, когда у меня не было времени играть в игры. Я подняла свой телефон, что лежал на столе экраном вниз.

— Что ты делаешь?

— А ты как думаешь? — Не поднимая на него взгляда, я пролистывала свой короткий список контактов. — Половина унции стоит в десять раз дороже, чем ты за нее платишь. И тебе это прекрасно

известно. Но если ты не хочешь вести со мной дела, тогда мне придется обратиться к кому-то другому.

Я прикусила губу. На самом деле мне вовсе не хотелось связываться с кем-то другим, да и время у меня было на исходе. Все окажется бессмысленным, если мне придется ждать еще хотя бы день, чтобы заполучить то, ради чего я пришла. День? Черт, счет уже шел на часы.

— Прости. Мне нужно позвонить. — Я придвинулась к краю сиденья, надеясь, что он не распознает блеф.

— Подожди.

Он вздохнул и достал маленький квадратный сверток, замотанный в грязновато-серую тряпку. Положил его на стол и, накрыв рукой, придвинул ко мне. Я проделала то же с бумажным пакетиком, и после мы обменялись свертками на середине стола. Я подавила вздох облегчения, когда пальцы сомкнулись вокруг свертка.

Поднесла к уху завернутый в тряпку предмет и встряхнула, а затем обнюхала, чтобы убедиться в его содержимом. Удовлетворенная, я засунула его во внутренний карман и, подняв стакан с содовой, сделала большой глоток, чтобы скрыть свое рвение поскорее выбраться отсюда. Неразумно было выглядеть отчаявшимся или торопящимся перед такими людьми, как Мэллой; с таким же успехом можно нарисовать большую красную мишень на своей спине.

Мэллой наклонил бумажный пакет и вытряхнул на ладонь маленький стеклянный сосуд. Его глаза сияли, пока он перекачивал между пальцами пузырек с желто-коричневой жидкостью.

— Детка, я готов отдать свое левое яичко, чтобы узнать, как тебе удалось заполучить это вещество... и выжить, чтобы рассказать об этом.

Я издала короткий смешок, чтобы скрыть нервозность.

— С чего ты взял, что я рассказываю? — Я поставила стакан на стол и склонила голову к пузырьку. — Я бы не стала выставлять это напоказ. — Хотя на самом деле мне хотелось сказать: «Убери эту гребаную штуку, пока нас обоих не убили», но я сдержалась, потому что не стоило терять самообладания.

— Не тебе указывать мне, как вести дела, — отрезал он, пряча флакон с такой ловкостью, которой позавидовал бы любой фокусник.

— Никто не сможет отследить меня, не так ли? — У Мэллоя имелись обширные связи и репутация осмотрительного человека. Однако содержимое этого пузырька могло привлечь к нему много нежелательного внимания.

Он распрямил спину.

— Как я уже говорил в прошлый раз, если начну выдавать своих поставщиков, то не задержусь в этом бизнесе надолго. Мне и свою голову нужно защищать. Я переправляю свои товары через посредников, которые унесут имена деловых партнеров с собой в могилу. В болтовне нет никакой выгоды. И эти парни понятия не имеют, где я достаю свой товар. Так что можешь быть уверена, что я никому не скажу.

— Рада слышать.

Я выскользнула из-за стола. И так засиделась здесь.

— Подожди! У меня есть и другие позиции, которые могут заинтересовать тебя... если, конечно, сможешь достать больше этого добра.

Я встала и накрыла рукой небольшую выпуклость под своим пальто.

— Я получила то, за чем пришла. Если мне понадобится что-то еще, я свяжусь.

Он покачал головой:

— Знаешь, ты слишком серьезная для девчонки твоего возраста. Тебе нужно расслабиться, веселиться хотя бы время от времени.

Я повернулась к выходу.

— Ага, частенько это слышу.

Солнечные лучи, после посещения мрачного интерьера бара, ослепили меня, и я несколько раз моргнула, прислонившись к тяжелой деревянной двери. Боже, как я ненавидела это. Дрожащими руками я потянула за рукав, чтобы взглянуть на часы.

— Твою мать! — Я оттолкнулась от двери, проклиная Мэллоя за то, что задержал меня. Останься я здесь подольше, то все мои дела с ним прошли бы впустую.

Я запахнула свое короткое пальто и отправилась на встречу с Реми, добравшись до остановки, что находилась через две улицы, как раз вовремя, чтобы успеть на ближайший автобус. С облегчением плюхнувшись на заднее сиденье, я прислонилась к окну и начала наблюдать, как проносятся улицы и здания. Мы проехали мимо футбольного поля, где проходил тренировочный матч, и я заметила команду чирлидеров, размахивающих красно-белыми помпонами. Моя рука поднялась к свертку в кармане, и от груза ответственности, возложенной на мои плечи, я ощутила себя гораздо старше девчонок на поле.

Автобусный маршрут завершился возле старой пивоварни, которая прекратила свою деятельность два года назад, и я выскочила перед запертыми на висячий замок воротами. Вдоль проволочной ограды висели таблички «Посторонним вход воспрещен»,

а само здание имело удручающий, заброшенный облик. Я поспешила пройти мимо, но мой нос, как и всегда, дернулся, почувствовав запах прокисшего ячменя, который окутывал это место.

За пивоварней находился старый район, застроенный дуплексами и двухэтажными домами, большинство из которых нуждались в свежей покраске. Пять лет назад этот район процветал, до того как закрылись пивоварня и завод по производству автозапчастей, на которых работала половина местных жителей. Теперь газоны заросли, а машины, стоящие на подъездных дорожках, нуждались в хорошем ремонте. Из чьей-то магнитола звучало кантри, а в соседнем доме ругалась молодая пара, пока громко не зарыдал ребенок. Я прошла мимо компании детишек, которые играли в хоккей с мячом, но им не было до меня никакого дела. На мгновение я остановилась, чтобы потрепать по голове знакомого пса, — помесь лабрадора с овчаркой, — который рысью подбежал поприветствовать меня, но когда он увязался за мной, я отогнала собаку прочь. Он тоскливо смотрел мне вслед, но я была слишком занята, чтобы сегодня поиграть с ним.

У последнего знака остановки я повернула направо и трусцой побежала по пустынной улице, вдоль которой выстроились старые дома с покосившимися крышами, заколоченными досками окнами и дворами, уходящими в лес. Я прошмыгнула между двумя домами на окраине и нырнула под сломанную в заборе доску у последнего дома. Задний двор практически полностью зарос травой и сорняками, а плющ задушил древние качели и облепил заднюю стену дома. Я прошла по узкой, заросшей зеленью дорожке к задней двери, где быстро осмотрелась и проскользнула внутрь.

— Реми, ты здесь? — тихо позвала я.

В доме было темно, и только полосы света, навоненные пылью, просачивались сквозь доски на окнах. К счастью, я хорошо знала дом, и мне не требовалось много света, чтобы ориентироваться. Я вышла с кухни и направилась по короткому коридору. Справа от меня находилась пустующая комната, в которой раньше была гостиная, а слева — закрытая дверь в кабинет. Я толкнула дверь, и она распахнулась на скрипучих петлях.

— Реми? — громко прошептала я, пытаюсь разглядеть его в непроглядных тенях комнаты. В ответ меня встретила тишина. *«Где он, черт возьми?»* Я развернулась, чтобы уйти.

— Ах!

Я оказалась напротив худого, бледного лица с большими круглыми фиолетовыми глазами и копной растрепанных серо-каштановых волос. Я попятилась назад, но он потянулся ко мне, схватив за плечи крепкой хваткой, которая не соответствовала его худощавому телосложению.

— Господи, Реми! — Я прижала ладонь к груди, пока он удерживал меня на ногах. — Пытаешься довести меня до сердечного приступа?

Троль одарил меня однобокой ухмылкой, обнажив ряд коротких острых зубов.

— Ты слишком молода для сердечного приступа, — ответил он с жуткой ухмылкой, от которой у любого, кто его не знает, пробежал бы холодок по коже. — Ты опоздать, — отчитал он меня.

— Прости. Мэлой опоздал на двадцать минут, и я приехала как можно быстрее. Как они?

— Неплохо. Френ волноваться, но я уверить его, что раз Сара пообещать достать лекарство, она это сделать. — Он выжидающе посмотрел на меня.

Я улыбнулась, достала из-за пазухи сверток и положила в его жаждущие руки.

— Разве я тебя когда-нибудь подводила?

Реми мгновенно развернулся и направился на кухню, а я последовала за ним по пятам. Раздираемая любопытством узнать содержимое свертка, который достался мне по заоблачной цене, я наблюдала, как он разворачивает тряпку и извлекает прямоугольную деревянную коробку небольшого размера. Он поднял крышку и высыпал содержимое в широкую, но неглубокую каменную чашу, а затем взял гладкий округлый камень и начал измельчать. Я подошла поближе и увидела бледно-золотистые кристаллы, по текстуре и цвету напоминающие крупнозернистый тростниковый сахар. Пока Реми перетирал кристаллы в порошок, запах тухлых яиц и аммиака, который я уловила раньше, усилился. Я помахала рукой перед своим носом. Определенно не сахар. Реми просил меня разыскать вещество *Бакту*, но не уточнил, что оно собой представляло; лишь сказал, что родом откуда-то из Африки.

Реми быстро измельчил кристаллы в порошок, затем несколько раз плюнул в миску и размешал смесь гладкой деревянной палочкой до густой массы.

— Идем, — сказал, наконец, он, взял тяжелую миску и направился к лестнице. Я молча последовала за ним. На этом моя часть работы была выполнена, и остальное зависело от моего друга.

В первой комнате на втором этаже на голом деревянном полу лежал тюфяк с тряпками, на котором, свернувшись калачиком и постанывая, лежала маленькая темная фигурка. Окна наверху заколочены не были, поэтому я смогла рассмотреть скрюченное тело и длинные тонкие конечности. У тюфяка на ко-

ленях стояло второе создание, чье уродливое и сморщенное лицом с надеждой посмотрело на нас, когда мы вошли в комнату. Я улыбнулась ему, указав на миску в руках Реми, и он нежно пробурчал что-то своей супруге, которая ответила ему тем же. Я понятия не имела, о чем они говорили, потому что не говорила на языке болотников. Однако не нужно было обладать большой фантазией, чтобы догадаться, что он успокаивал ее.

Реми опустился на колени рядом с тюфяком, а я встала позади него, откуда могла наблюдать и не мешать. Он поставил каменную чашу на пол и проворчал что-то болотникам на их языке. Затем осторожно переложил самку так, чтобы она легла на спину, выставив перед нами раздутое брюхо. Болотники обитают в болотах, — как следует из их названия, — и обычно покрыты трясинной. Самка же оказалась необычайно чистой; и я подумала, не Реми ли помыл ее, чтобы подготовить к процедуре?

Френ, самец, придвинулся ближе и взял обеими руками маленькую ладонь своей супруги. Его большие глаза светились любовью, но они не могли скрыть страха, который я заметила на его лице. Мне хотелось заверить его, что все будет хорошо, но он меня не понял бы, а я не была полностью уверена, что все будет хорошо. По словам Реми, у болотников роды проходят легко, но беременность Мол протекала очень сложно. После долгих месяцев болезни она ослабла, а ребенок отказывался появляться на свет. Беременность у болотниц сильно отличалась от человеческой, когда ребенок рождается спустя девять месяцев. Если мать была больна или истощена, то тело отвергало роды. А если ребенок не рождался, то умирали и малыш, и мать.